

Управляемая машина

1958 год, совещание в Москве. Обсуждается проект гидрогенераторов одной гидростанции на Кольском полуострове — не поставить ли там АС-генераторы? Большинство считает, что разработки еще недостаточны. Решено направить представителя в Ленинградский совнархоз (машины должен был делать завод «Электросила») с отрицательным заключением.

Вернулась из Ленинграда инженер З. Сазонова, и с положительным решением! Оказывается, в Ленинграде руководил совещанием один из крупнейших специалистов по электрическим машинам П. Ипатов; ему идея понравилась. Павел Михайлович и в дальнейшем помогал завершению работ на станции.

Надо было срочно делать новую модельную установку с двумя машинами (на гидростанции должны были быть установлены два генератора) — для отработки системы управления.

6 мая 1959 года два модельных АС-генератора были включены на совместную работу через линию передачи на сеть. Эксперимент закончился успешно. Опять совещание: где разместить заказы на систему управления? Как в 1953 году ЦНИЭЛ был исключен из работ по сильному регулированию, так и в 1959 году ВНИИЭ (лаборатория была реорганизована в институт) был исключен из работ по строящейся гидростанции — заказы на систему управления были переданы ВЭИ (регулятор) и «Уралэлектроаппарату» (исполнительный орган — ионный преобразователь частоты).

Совершена та же ошибка, что и в 1953 году. Из работы исключены авторы, которые охватывали всю проблему целиком, — они-то и могли бы предотвратить возможные промахи. К сожалению, когда все было смонтировано, то выяснилось, что не оказалось узла в агрегате, где не была бы допущена ошибка, — с точки зрения совместной эксплуатации всех узлов. Все оборудование пришлось, деликатно выражаясь, модернизировать — система в целом оказалась неработоспособной; вновь к руководству проблемой призвали ВНИИЭ. Хорошо, что в проект было заложено два варианта генератора — синхронный и асинхронизированный. Когда асинхронизированный был многие годы нереализуемым, станция эксплуатировалась в синхронном режиме.

Написал я тогда книжечку «Асинхронизированная синхронная машина», в 1960 году выпустил ее Госэнергоиздат Основные идеи, там изложенные, действуют и по сей день. В 1964 году книга вышла в Англии, в Оксфорде, в издательстве «Пергамон-пресс».

Появился новый сотрудник — Ю. Шакарян. Приехал он из Еревана и поступил к нам в аспирантуру. Темой его диссертационной работы был АС-двигатель. Эта работа имела немалые практические последствия.

Регулятор для АС-генератора был спроектирован по старинке; генератор должен работать с малым скольжением, и предполагалось, что высокое качество (безынерционность) регулятора необязательно. АС-двигатель должен работать с большими скольжениями — в этом случае

амплитудные и фазовые искажения были бы недопустимыми при использовании несовершенного регулятора. Шакарян (вместе с другими сотрудниками) предложил в основу регулятора включить, по сути дела, небольшую аналоговую математическую машину, которая все тригонометрические операции, необходимые для обработки выходного сигнала, совершала бы безынерционно. В дальнейшем эта идея была успешно реализована.

На смену Смыслову пришел новый противник — Михаил Таль.

Сейчас многое уже забыто из того времени. Мне кажется, что среди шахматистов Таль 1959—1960 годов был не менее популярен, чем Фишер в 1970—1972 годы. Именно среди шахматистов; среди нешахматной публики бессребреник Таль, конечно, не выдерживает конкуренции с Фишером, имя которого невольно ассоциируется с миллионами долларов...

Про Таля ходили легенды. Он и гипнотизирует своих партнеров (всю мировую печать обошла фотография Бенко, тщетно пытавшегося спастись от гипноза с помощью темных очков), он и сам не знает, как подавляет волю своих партнеров к сопротивлению; его необоснованные, более чем рискованные жертвы объявляли открытием каких-то новых путей в шахматном искусстве — всего и не перечтешь. Демоническое, мефистофельское выражение лица молодого Миши Таля, конечно, способствовало всем этим рассказам, а демонстративное пренебрежение известными нормами спортивного режима еще более укрепляло досужие домыслы о волшебном характере силы молодого рижанина...

Но все это были, конечно, сказки да присказки. В чем же состояла реальная основа его шахматной силы?

Москва, 1960. Перед матчем на первенство мира с М. Талем

С точки зрения кибернетики и вычислительной техники Михаил Таль — устройство по переработке информации, обладающее и большей памятью, и большим быстродействием, чем другие гроссмейстеры; в тех случаях, когда фигуры на доске обладают большой подвижностью, это имеет важнейшее, решающее значение. Молодого Таля мало интересовало, как объективно оценить позицию, к которой он стремился; пусть у него там будет

объективно хуже, лишь бы фигуры были подвижны — тогда дерево перебора вариантов столь велико, столь велико количество ходов, которое в этом дереве содержится, что партнеру оно будет не по плечу, а быстродействие и память Галя скажутся. Вот и вся основа необычной, фантастической игры Таля; она покоилась на вполне прозаических факторах.

Поскольку такой метод игры приводил к практическим успехам, Талю нечего было заниматься напряженным трудом, стремиться к разносторонней игре. Он играл так, как ему было выгодно, он привык к такой игре. Это было хорошо, пока его игру не понимали; это могло обернуться неприятностями, если кто-либо раскрыл бы секрет его успехов и использовал минусы его одностороннего подхода к шахматам.

Можно догадаться, в какой обстановке протекал наш матч. С одной стороны — стареющий чемпион (он всем уже надоел!), с другой — молодой, блестящий шахматист, общий любимец. Все журналисты были за Таля — рижанин охотно давал интервью, писал статьи; старый же чемпион сторонился журналистской братии.

К тому времени я изрядно всем поднадоел, и прежде всего моим коллегам-гроссмейстерам. Сколько времени можно восседать на шахматном троне? Времена Ласкера, Капабланки и Алехина прошли. Втроем они правили шахматным миром в общей сложности 50 лет. Теперь это невозможно, чемпион окружен авангардом гроссмейстеров различных поколений (все они моложе чемпиона), и каждый из этих преуспевающих бойцов жаждет стать шахматным королем. Задача — стащить наконец чемпиона мира с пьедестала, а там между собой гроссмейстеры как-нибудь разберутся...

Матч-реванш со Смысловым всех встревожил. Смыслов в матче 1957 года победил, и победил блестяще, а что же было через год? И гроссмейстеры заработали — незаметно, потихоньку. Бомба разорвалась на конгрессе ФИДЕ 1959 года в Люксембурге. Президенту Рогарду — читатель не забыл, вероятно, событий, которые происходили четыре года ранее на конгрессе в Гетеборге, — вполне по душе пришлись настроения гроссмейстеров относительно права чемпиона на реванш. И Рогард решился на поступок, плохо сочетающийся с обычными для него строгими правилами процедуры. Он «неожиданно» поставил на обсуждение вопрос об отмене матч-реванша, и генеральная ассамблея отменила это соревнование.

Я об этом узнал постфактум. Конечно, это решение было направлено против творческого начала в шахматах; матч-реванш потенциально защищал шахматный мир от чемпиона, который мог и не заслуживать этого звания. Шахматы нуждаются в стабильном, настоящем чемпионе. Как же можно обеспечить это без матч-реванша, если чемпион может (в соответствии с правилами) потерять свое звание только потому, что серьезно заболел во время матча?

«Антиботвинниковский закон», — писал об этом решении конгресса британский журнал «Чесе»; и тем не менее я лично был рад этому закону, сколько десятилетий можно жить в напряжении? Поэтому и не протестовал

против отмены реванша.

Нарушив процедуру и не оповестив заранее о включении этого вопроса в повестку дня конгресса, Рогард тем не менее не стал менять правил, утвержденных на трехлетний цикл 1958—1960 годов (закон обратной силы не имеет) — на этот срок матч-реванш был сохранен.

Весной 1960 года матч на первенство мира начался. Таль широко пользовался своими отличными практическими качествами: заставлял меня записывать ход (по Бронштейну), ловко использовал мои цейтноты, но главное — по возможности малой позиционной ценой стремился получить активные и подвижные фигуры. Если это ему удавалось, я был беспомощен... Меня поражало, что партнер, вместо того чтобы играть «по позиции» (так меня учили еще в молодости), делает с виду нелогичный ход; логика его имела сугубо практический смысл — поставить партнера перед трудными задачами. Воздадим Талю должное: когда партнер ошибался, Таль находил изящные и неожиданные решения.

По сути дела, мне удалось хорошо выиграть лишь одну партию— девятую (№ 276, а всего — две!). Хотя после этой партии счет в пользу Таля был минимальным, но в дальнейшем мой партнер или доминировал, или я не пользовался подвернувшимися возможностями. Таль заслуженно победил, в этом матче он был явно сильнее своего партнера.

Матч закрывал вице-президент Марсель Берман (Франция) — Рогард с 1956 года так ни разу и не посетил Советский Союз. Был

Берман уже неизлечимо болен, через три месяца его не стало; он, вероятно, догадывался, что обречен. При этих обстоятельствах можно было поверить его искренности: Берман воздал мне должное не только как шахматисту, но и как спортсмену. Это было весьма трогательно. Познакомились мы с ним на конгрессе в 1949 году. Тогда я дал сеанс сильнейшим шахматистам Парижа, и в благодарность Берман передал для моей жены флакон духов таких размеров, какого не пришлось мне видеть ни раньше, ни позже!

Итак, второй и последний раз я получил право на реванш. Нужно ли его использовать?

После матча (как и в 1958 году) все партии были разложены по полочкам. Я удивился своей слабой игре. Когда анализируешь партии, не учитывая цейтнота, азарта борьбы и прочих особенностей шахматного соревнования, все предстает в ином свете. И решил я играть, работая в двух направлениях: 1) пойти на выучку к Талю и стать хорошим, хитрым практиком и 2) подготовить такие начала и связанные с ними планы в середине игры, когда борьба носит закрытый характер, доска раздроблена на отдельные участки, фигуры малоподвижны; пусть объективно позиция у меня будет хуже, но тогда свои быстродействие и память мой партнер не сумеет использовать (а мое понимание шахматных позиций сможет сказаться). Но до матч-реванша предстояло еще одно соревнование — Всемирная Олимпиада в Лейпциге.

Играли мы в помещении Лейпцигской ярмарки. Помещение длинное

и узкое, неудобное, когда партия вызывает большой интерес, удобное, если участники не пользуются вниманием зрителей. Слава богу, я относился ко второй группе, но все же сыграл две хорошие партии — белыми против Шмида (ФРГ) — № 282 и черными против Нейкирха (Болгария) — № 280. К первой группе участников относились, конечно, и Таль, и Фишер. Когда они встретились, было столпотворение.

Шахматный союз ГДР отлично провел Олимпиаду. К участникам относились весьма внимательно. В выходной день в местном театре правительство устроило грандиозный банкет. Столы советской и американской команд были рядом; вместе пили, вместе веселились и вместе направились восвояси в гостиницу «Астория». Опытный журналист Флор, конечно, шел рядом с юным Фишером.

— Бобби, не собираетесь жениться?

— Да,— отвечал подвыпивший Фишер, -думаю скоро купить жену.

— Купить?

— Да, купить — мне сказали, что на Востоке можно купить неплохую жену за 200 долларов, ну а за 500 — первый сорт...

Таким был Бобби в 17 лет!

Во время Олимпиады в Лейпциге гастролировал Давид Ойстрах и, конечно, приходил на игру. Ойстрах имел первый разряд, играл осторожно и обладал неплохой техникой. В 1937 году он выиграл матч у С. Прокофьева — матч проходил в ЦДРИ и широко афишировался по Москве. Дружны мы были с Ойстрахом с 1936 года, но никогда ранее не встречались за рубежом. На чужбине обычно возникают наиболее короткие отношения— когда вместе обедали мы с Давидом Федоровичем, понял я, как он доверительно ко мне относится .

Олимпиада снова кончилась победой советской команды. Как всегда, советские гроссмейстеры должны выступать с сеансами.

Подходит наш капитан Л. Абрамов: «Г-н Грец очень просит вас прочесть лекцию в университете имени Гумбольдта в Берлине» (Грец был директором Олимпиады).

— О чем?

— О машинной игре в шахматы.

— Не могу, это требует большой подготовки.

— Да что вы, Грец говорит, что это займет минут двадцать. Я неосторожно дал согласие. Но по приезде в Берлин выяснилось, что надо представить письменное сообщение, которое будет переведено на немецкий. Мне нужно будет прочесть на выступлении первую и (после чтения переводчиком лекции на немецком) последнюю фразы. Отступать было некуда. Утром сел за стол, к вечеру лекция была готова. На следующий день приехал переводчик, забрал лекцию и сказал, что в определенный час за мной приедут. Жду — никто не едет, выхожу на улицу и стою у подъезда. Никого нет. Поднимаюсь наверх в номер, звонит переводчик: «Только закончил перевод, очень было трудно. За вами приезжали, но вас не нашли. Мы уже начинаем. К вам снова поехали». Оказывается, студенты меня в лицо не

знали, и мы разминутись!

Захожу в аудиторию, на первую фразу, конечно, опоздал, лекция в разгаре. Последнюю фразу довелось прочесть...

Это был важный день. За два года, прошедших со дня выступления в Хилверсуме по голландскому телевидению, где на вопрос Эйве я ответил «да», было многое продумано — это и было систематизировано в лекции. От «да» до «последней фразы» был проделан большой путь!

Лекция месяц спустя в сокращенном виде была опубликована в «Комсомольской правде» под названием «Люди и машины за шахматной доской» и в дальнейшем перепечатана во многих изданиях как в СССР, так и за границей (полностью лекция была опубликована в журнале «Шахматы в СССР»). Несколько лет позже (когда работа над алгоритмом игры в шахматы уже значительно продвинулась) мне нужно было отредактировать эту статью — я волновался: не написал ли я тогда (в 1960 году) чепухи?

Прочел и обрадовался — всё точно. Да и не могло быть иначе, лекция была написана искренне, я анализировал свое шахматное «я». Стыдиться было нечего!

Итак, весна 1961 года, матч-реванш. Все условия согласованы (Таль хотел начать в апреле, на месяц позже, но уступил), первая партия уже назначена, но...

Вызывает меня Романов и с дружелюбной улыбкой говорит:

— Делать нечего, матч надо отложить, Таль болен.

— Откуда у вас такие сведения? — Звонили из Риги.

— При чем тут звонки? Удостоверение официального врача есть?

— Какое удостоверение? Что за формализм! Мне звонил сам...

— Стыдно тому, кто вам звонил. Правила обязательны для всех!

— Какие правила...

Слово за слово — собеседники разгорячились, начался крик. Конечно, мы друг друга не слышали, думаю, и сами не сознавали, что кричали. Хорошо помню, что, уходя, обернулся в дверях и заорал: «Ноги моей больше не будет в этом кабинете!» — в приемной было много посетителей, все с недоумением на меня уставились (они пришли на совещание к председателю). «Ну,— подумал я,— больше в шахматы не играть...»

Вечером звонят из оргкомитета матча: «Матч-реванш начинается в срок».

Как только я ушел, Романов потребовал справку о правилах — он их не знал. Убедившись, что мое требование о заключении врача справедливо, дал задание — к вечеру подготовить справку о болезни. Когда вечером на каком-то приеме Постников ему доложил, что Таль отказался от обследования и, стало быть, от врачебной справки, Романов спокойно произнес: «Начинать матч по регламенту».

Вот это председатель! Он был справедлив...

Итак, матч-реванш начался. Я думал лишь о том, как поддерживать закрытый характер позиции и не отставать от партнера в спортивном практицизме. Сначала не всегда это удавалось, и, хотя матч протекал для

меня благоприятно, особого перевеса не было: после восьмой партии счет был 3 : 2 при трех ничьих. Но тут Таль не выдержал напряжения борьбы, ему надо было не просто победить, а с блеском! Я выиграл три партии подряд, счет стал 6:2 — это уже был «звонок». После пятнадцатой партии (№ 291) я уже имел перевес в пять очков — столько же я мог иметь и в матч-реванше 1958 года, если бы не неудачное доигрывание злосчастной пятнадцатой партии...

На финише я почувствовал усталость, и мой партнер оживился — в последних шести партиях счет оказался равным. Таль нажимал (можно позавидовать его бойцовским качествам!), но после двадцатой партии он был сломлен.

Отложили мы партию в трудной для меня позиции — последовала бессонная ночь. При доигрывании выяснилось, что белые упустили в анализе выигрывающее продолжение, но и я был хорош — спутал подготовленные дома варианты и опять влетел в проигранное окончание.

Под конец доигрывания почувствовалось, что Таль играет неуверенно, но общее мнение — отложенная позиция безнадежна для черных. Вторая кряду бессонная ночь, и утром самая очевидная и главная угроза была обезврежена неожиданной патовой возможностью; и менее активная игра со стороны белых оставляла черным надежды на ничью .

Сижу и мыслю: как бы оповестить неприятельский лагерь, что у меня «действительно» безнадежно? Тогда они и работать будут мало, а может, и этот пат проглядят. Позвонить кому-нибудь по телефону? Нет, нельзя, это «грубая работа». Надо ждать, когда звонок окольным путем придет с того берега...

Ага, звонит телефон — Яша Рохлин, он связан со всеми журналистами... Отлично. «Что, Миша, работаешь?»

Тяжело вздыхаю: «Яша, ты сам должен все понимать...»

Опять звонит телефон — Сало Флор. Еще лучше, он дружен с Кобленцем, секундантом Таля. Может, проверяют Рохлина? Помолчал я и убитым голосом произношу: «Ничего вам, Саломон, не скажу, я очень устал...» Тут надо было действовать осторожно — Флор опытен и хитер...

После двух дней игры и двух бессонных ночей был я вымотан вконец, но все же обычный термос с кофе решил на доигрывание не брать — это было самым веским доказательством того, что я сделаю лишь несколько ходов и сдам партию: а за эти ходы Таль и должен был проглядеть пат!

Впоследствии Таль отрицал, что заметил отсутствие термоса; может быть, может быть... Но общее настроение моей безнадежности он не мог не чувствовать!

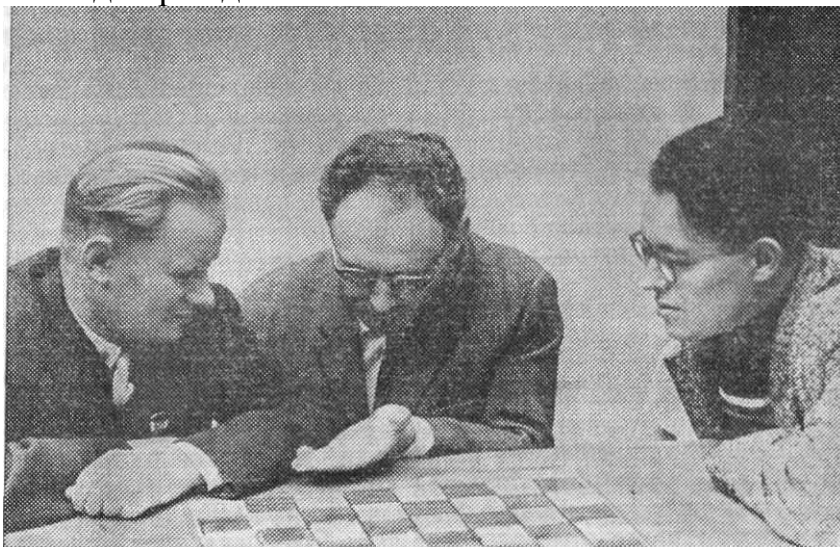
Обычно я к таким трюкам не прибегаю. Но я хорошо помнил, что было в нашем первом матче, и считал, что долг платежом красен.

Надо ли добавлять, что Таль слишком поздно увидел патовую возможность, и партия кончилась вничью? На следующий день кончился и матч-реванш.

Выиграл я с перевесом в пять очков в двадцати одной партии — никто

меня не объявил гением (и слава богу!). Любопытно, что когда одиннадцать лет спустя Фишер с меньшим счетом завоевал первенство мира, то гением был объявлен. Есть тут над чем призадуматься! Полагаю, что представляй Фишер не США, а, скажем, Данию или Польшу, то не ходит ему в гениях...

Не все же успех пожилого шахматиста поразил многих. Райисполком дал мне место для «Победы» в хорошем гараже — друзья поздравляли меня и шутили, что этого трудней добиться, чем выиграть матч на первенство мира. В конце августа я был награжден орденом Трудового Красного Знамени — к 50-летию со дня рождения.

Москва, 1961. Слева направо: шахматный «Левша» А. Сысолятин, М. Ботвинник и мастер Б. Баранов

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в начале сентября вручал ордена. Всего награжденных было шестеро — пять юбиляров и один молоденький лейтенант. Когда кончилась официальная часть, Леонид Ильич сказал мне: «Болею я за вас, а сын — за Таля...» Традиционный фотограф, были поставлены три стула, посередине сел Председатель (справа от него — художник Герасимов), слева от Леонида Ильича место свободно...

Я был в нерешительности: с одной стороны, сесть рядом с Председателем великая честь, а с другой? Был здесь и Игорь Владимирович Ильинский, кумир моей юности. Во время войны встречались мы с ним в Соликамске (я проверял высоковольтную изоляцию, а Ильинский выступал с концертами) и тепло беседовали...

«Игорь Владимирович,— сказал я,— вы на десять лет старше. Может, желаете сесть?»

Выборгское коммерческое училище во мне разыграло, и я решил продемонстрировать свою интеллигентность в уверенности, что Ильинский в долгу не останется... Но Ильинский, не раздумывая, незамедлительно сел!

Комитет физкультуры передает мне подарок — миниатюрные шахматы. На крошечном серебряном столике размером с копейку стоят фигурки (высота их менее 1 мм). Сделал шахматы А. Сысолятин из

шахтерского поселка Свердловской области. Вскоре пришло письмо: Сысолятин предупреждал, что демонстрировать шахматы следует только на белом листе бумаги, иначе фигурки потерять можно...

Привела дочь свою подругу и просит показать чудо-шахматы. Показал, но ослушался шахматного «Левшу» — лист бумаги не подложил. Поставили фигурки на доску, а голубого слона нет! Скатерть была цветастая, Оля и Люся, как ни старались, слона разглядеть не могли. Тогда я решил кончиками пальцев ощупать всю скатерть, нашел какую-то крошку — оказался слон (спрятал я шахматы и доставал лишь когда приходил Сысолятин!)

Ждал, что явится глубокий старец с железной оправой на кончике носа — и ошибся. Пришел жизнерадостный, светловолосый, увлеченный своей работой молодой человек. Рассказал о своих успехах, и понял я, что только такой человек и способен на подобные чудеса. Потом Александр Матвеевич прислал еще копейку, где было выгравировано большое послание.

Подружились мы с Сысолятиным...

Теперь можно было бы отдохнуть от шахмат. Но годом раньше был у меня в гостях на даче Керес. Посмотрел он, как мы мучаемся с углем, и пожал плечами: «Пора перейти на нефтяной автомат. Я в Таллине давно так отапливаю свой дом. Будет у вас спокойная жизнь, а результаты творческого труда — выше!»

После матч-реванша в ФРГ было назначено командное первенство Европы. Утомленный, я все же поехал играть в Оберхаузен — покупать нефтяную форсунку для котла.

В последнем туре первого круга я проиграл Унцикеру (ФРГ), а во втором круге отыгрался (№ 295). Еще накануне Керес вел переговоры о скидке с одной фирмой (денег у меня мало было), но последний тур, видимо, все испортил...

Во время соревнования с удивлением замечаю, что все гроссмейстеры вдруг от меня отвернулись, как в 1952 году. Не могу понять, что случилось?

Как всегда, пошел на вокзал, купил советские газеты. Ага, вот в чем дело — в «Известиях» опубликована статья «Анализ или импровизация», где я рассказал историю доигрывания двадцатой партии матч-реванша, то есть о том, как доигрывание опровергло прогнозы всех журналистов (корреспондентами-то во время реванша были те же гроссмейстеры, что играли в команде!). Ну ничего, успокоятся со временем...

После первенства Европы советские гроссмейстеры гастролировали по ФРГ. Выступал я в шахтерском городке Гертене — чистенький, весь в зелени. Новая ратуша, на первом этаже библиотека, есть и русские книги, даже современные политические...

В Кельн поехали вместе с Геллером — выступить в шахматном клубе страховой компании «Нордштерн». Всего служащих около тысячи, каждый десятый — шахматист. У подъезда нас встречает господин в черном костюме. «Ефим Петрович, это не директор ли?» — «Что вы, — хмыкнул Геллер, — будет он нас встречать...»

Поднялись наверх, тут учтиво приветствует господин во фраке. «Директор», — шепчет мне Геллер. Я отрицательно мотаю головой.

Скоро начался обед. Я оказался прав: внизу встречал директор, а наверху — официант!

За столом я еще кое-как обходился со своим немецким, но когда перешли в соседний зал, где была съемка для телевидения, а затем и интервью для местной газеты (ловкий директор решил использовать наше выступление для рекламы страховой компании), я взвыл — редактор газеты г-н Завадский (он категорически отрицал свое родство с Ю. А. Завадским) стал задавать мне вопросы на философские темы (мой немецкий оказался слишком слаб). Тогда был вызван сотрудник компании, владевший русским языком (г-н Орлов во время войны оказался в Германии; он сначала держался напряженно, но затем «раскрылся» и даже дал понять, что грустит по Отчизне). Завадского интересовало все: например, какова судьба трех авторов труда об умственных способностях участников международного турнира 1925 года (эта книжка выходила и на немецком языке)? Об одном из них я мог дать информацию — П. А. Ру-дик заведовал кафедрой психологии Института физкультуры и жил на Николиной горе... На следующий день местная газета опубликовала большую статью своего редактора.

Рано утром страховая компания доставила нас с Геллером в аэропорт Дюссельдорфа, и всей командой — в Москву.

В конце декабря 1961 года поехали мы с Флором на рождественский турнир в Гастингс, не был я там 27 лет! На сей раз я себя реабилитировал, сделал лишь ничью с Флором да ничью (за сто ходов!) с Глигоричем. Хорошо жилось нам у самого моря, много гуляли под крики чаек; когда ветер был с юга, вкусно пахло океаном.

Англичане относились очень сердечно, но однажды директор турнира Франк Роден чуть не нарушил традиционного гостеприимства. Встретил он нас на набережной (школьный учитель Роден был здоровенный черноволосый верзила, когда выходил на улицу, надевал лишь перчатки): «Ну, сегодня вы получите ваши призы,— поглядывая с высоты, Роден похлопал меня по плечу. Но, заметив неблагоприятное впечатление, которое произвели его слова (неужели лишь за деньгами мы так далеко ехали?), добавил: — Хотите знать, что такое деньги?»

И Роден символически высморкался с помощью трех пальцев — добрые отношения были тут же восстановлены: он повел нас в бар под тем предлогом, что у меня был насморк. Роден лечился с помощью виски, даже когда был здоров; на мою же простуду виски не подействовало...

Далее направились мы в Швецию, где давали сеансы и сыграли в небольшом турнире (на сей раз я сделал ничью только с Флором). За первое место получил я дополнительный приз: транзисторный приемник-будильник. Ночью он неожиданно включился и разбудил меня. На следующий день выступали мы в Норчеппинге, там помещался завод «Филлипс» (где был сделан приемник).

Показывал его нам один шахматист. Он всех рабочих знал, со всеми

здоровался, знал, кто какую зарплату получает, знал технологию производства. «Кто он? Главный инженер?» — спросил я президента местного шахматного клуба. «Что вы,— последовал ответ.— Это начальник отдела кадров». Да — подумалось мне...

Приемник был проверен, но, о ужас, он меня опять разбудил. Тогда я вынужден был сам разобраться в транзисторной технике: оказывается, будильник случайно был включен на два часа.

В Стокгольме я купил форсунку для дачи. Старый друг г-н Бистром, президент Стокгольмского шахматного объединения (Бистром был оптовым торговцем бакалейными товарами, снабжал он и советское посольство), повез меня в фирму «Атомик». Всего в справочнике было найдено несколько десятков фирм, торговавших форсунками, эта была выбрана, поскольку она хвасталась, что все детали шведского производства.

Хозяин маленькой фирмы инженер Хюне быстро договорился с Бистромом — 20 процентов скидки. «А надежно будет работать?» — спрашиваю. «Мы даем вам специально для Москвы (помочь на таком расстоянии не сможем) абсолютно надежную систему». Г-н Хюне не обманул — форсунка работала 17 лет, пока ее не заменил газовый автомат. Но, увы, шведского производства, видимо, была одна станина, все остальное — американское и английское. Да, спасибо Паулю за совет!

Новая Олимпиада — 1962 год. Золотые Пески (Болгария). Обсуждается состав команды (тогда я еще участвовал в работе Шахматной федерации СССР), предлагают Михаила Таля не включать. Почему?!

«У Талья слабое здоровье...»

Повеяло 1952 годом! «Позвольте,— говорю.— Здесь заседает шахматная федерация или медицинская комиссия?»

После пререканий наконец вносится предложение: Талья включить, но потребовать от него справку о состоянии здоровья.

«Нет, простите. Решается вопрос не об одном Тале; утверждаем весь состав команды, и у всех участников должны быть медицинские заключения». Таль, конечно, поехал в Болгарию.

Хорошо было играть в гостеприимной Болгарии, но... опасно! Море чудесное, купанье соблазнительное. Однажды не удержался и купался досыта. Первую половину партии с Ульманом играл артистически, с подъемом. Но во второй половине ничего не понимал, и Ульман взял меня голыми руками. Вот что значит режим!

Первый и последний раз встречался я за шахматной доской с Р. Фишером (№ 306). Сыграл он черными защиту Грюнфельда (вариант Смыслова). Там давно у меня было заготовлено одно продолжение, которое ставило перед черными трудные задачи. Пришлось вспомнить все тактические тонкости — Фишер действовал по моему анализу, но вот неожиданность: семнадцатым ходом Фишер мнимой жертвой ферзя выиграл пешку — это я проглядел при анализе!

По существу, оценка позиции не менялась — белые и здесь могли сохранить перевес. Но просчет меня обескуражил, и я быстро получил

проигранный конец без пешки. На 38-м ходу Фишер второпях сделал шаблонный ход — это меня заставило насторожиться. Контроль прошел, но Фишер продолжал игру (у него был запас времени), всем своим видом показывая неудовольствие тем, что я не сдаю партии... Наконец, американец записал свой 45-й ход

в ладейном окончании, в котором уже после полуночи Геллер подсказал мне замечательную идею контригры. За ночь я ее неплохо отработал, приготовив на всякий случай хитрую ловушку: а вдруг заносчивый партнер не заметит этой тонкости?

Фишер ночью спал и при доигрывании в западню попался — у молодого человека в глазах появились слезинки. Подошел я к капитану Л. Абрамову и успокоил его — ничья. Фишер подбегает к судье Лилиан Боневой и протестует — Ботвиннику, де-мол, подсказывают... Когда партию кончили, Фишер все же пожал руку и белее полотна вышел из зала.

После нашей встречи с Фишером осенью 1962 года я опубликовал обстоятельный анализ этого ладейного эндшпиля, где доказывал, что даже если бы Фишер не попался в ловушку, партия все равно закончилась бы вничью.

В 1969 году в сборнике своих партий Фишер полностью перепечатал мои примечания к этой партии, но, продолжив мой анализ, доказал, в свою очередь, что он должен был бы добиться победы.

Зимой 1976 года М. Юдович (старший) прислал мне заметку американского гроссмейстера Л. Эванса об этом эндшпиле (он помогал Фишеру писать упомянутую книгу) с просьбой высказать мнение об анализе Фишера.

Посидел я часик, продолжил анализ Фишера и как будто нашел, что Фишер неправ — не было у него выигрыша. Дал я эту позицию для анализа слушателям детской шахматной школы: 13-летний Гарик Каспаров (из Баку) нашел еще один (и очень простой) путь к ничьей!

Да, шахматный анализ — дело хитрое...

На сей раз в отборе победил Петросян — очередной матч весной 1963 года. Если ранее я сомневался, надо ли играть реванш, то сейчас уже подумывал вообще об отказе от борьбы за первенство мира. Увлекала меня работа над шахматной программой для ЭВМ, но не знал, с какой стороны приступить к задаче. А раз пока не знал, то решил играть!

Матч играл я неудачно. Определенный отпечаток на мое состояние оказал инцидент в пятой партии. При начале доигрывания (партия была отложена в выигранной позиции для Петросяна) судья Голомбек (Англия) вскрыл конверт и, взглянув на бланк белых, сделал за Петросяна проигрывающий ход. Тот энергично протестует; тогда Голомбек пожал плечами и сделал ход, на котором настаивал мой противник.

После поражения я обратился к Голомбеку за разъяснениями (по кодексу, если судья сомневается в том, какой ход записан, за нечеткую запись хода засчитывается поражение). Голомбек ответил, что запись действительно была неясной, но он не согласен с таким толкованием кодекса.

Я разъярился; этот юридический вопрос был решен, когда я был еще юношей. Обращаюсь к главному арбитру Штальбергу — тот поддержал позицию своего коллеги.

Тогда я потребовал фотокопию бланка. Копия была дана спустя неделю; всю неделю я нервничал и успел проиграть еще одну партию. Но неприятность состояла в том, что, хотя Петросян и записал ход неточно, никаких сомнений в определении записанного хода быть не могло, и при доигрывании Петросян протестовал с полным основанием.

Огорчили меня мои старые друзья — судьи матча; так я и не могу понять — чего ради они создали этот беспочвенный конфликт? Ценой больших усилий уравнил я счет в матче после четырнадцатой партии — 2 : 2 (№ 312). Но все же не смог я приспособиться к непонятному стилю Петросяна, проиграл в дальнейшем еще три партии и со счетом 2 : 5 при 15 ничьих потерпел поражение в матче.

Петросян обладал своеобразным шахматным талантом; как и Таль, он не стремился играть «по позиции» в том смысле, как это понимали ранее. Но если Таль стремился получать динамичные позиции, то Петросян создавал позиции, где события развивались как бы с замедленной съемкой. Нападать на его фигуры трудно: атакующие фигуры продвигаются медленно, они вязнут в болоте, которое окружает лагерь фигур Петросяна. Если наконец удастся создать опасную атаку, то либо уже мало времени, либо действует утомление. Необходимо отметить еще высокую технику Петросяна в реализации позиционного преимущества для того, чтобы понять силу нового чемпиона. Видимо, и не столь плоха уж была моя спортивная форма: три месяца спустя на Спартакиаде народов СССР я набрал 8 очков из 9 возможных!

К сожалению, Петросян никогда не был исследователем; у таких шахматистов 40 лет — опасный возраст. При неизбежном снижении счетных способностей тускнеет и талант, если его не шлифовать.

С того дня, как мы с Флором беседовали с чемпионом мира Алехиным в Карлтон-отеле в Амстердаме, до поражения в матче 1963 года прошло без малого четверть века. Внушительный срок — 25 лет жизни было отдано борьбе за высший шахматный титул. Теперь больше времени можно будет отдавать проблеме искусственного шахматиста.

Но сначала — электротехническая задача. АС-двигатель был «почти» готов: был, собственно, двигатель, датчики, регулятор — не было лишь исполнительного органа, экономного преобразователя частоты. Куда мы ни обращались с просьбой изготовить или помочь в изготовлении тиристорного преобразователя (с диапазоном выходной частоты 0—15 Гц), всюду встречали отказ. Более того, нам объясняли, что это и сделать нельзя. И решили мы делать преобразователь сами.

К тому времени подобрался неплохой коллектив сотрудников. С весны 1964 года группа была реорганизована в лабораторию. На разработку и доработку преобразователя ушло несколько лет. Идеи, положенные в основу его, оказались удачными. В диапазоне частот 0—15 Гц преобразователь

выдавал безынерционно управляемый синусоидальный ток.

Вскоре я предложил метод, который позволял в статическом режиме полностью управлять работой машины. Это позволило дать машине новое название — управляемая машина переменного тока.

Ю. Шакарян (читатель его, вероятно, помнит — он стал опытным научным работником) систематизировал проведенные разработки и сравнил их как со старыми работами зарубежных электротехников, так и с работами советских специалистов в области автоматического регулирования, в частности с идеями профессора Щепанова. Шакарян показал, что предложенный мной метод повторяет метод немецкого электротехника Зейца, опубликованный им в 30-е годы, и является разновидностью так называемого инвариантного регулирования. Впоследствии выяснилось также, что параллельно и независимо друг от друга эти разработки велись не только в нашем институте, но и в фирме «Сименс» (ФРГ), в шахматном клубе которой я давал сеанс одновременной игры в 1958 году после Олимпиады в Мюнхене.

Москва, 1962. В НИИ электроэнергетики